

Международные отношения

Правильная ссылка на статью:

Молокоедов Д.И. Политика США в Юго-Восточной Азии в контексте "разворота в АТР" // Международные отношения. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.4.75975 EDN: GYDQVF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75975

Политика США в Юго-Восточной Азии в контексте "разворота в АТР"

Молокоедов Даниил Игоревич

соискатель, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая., 10, к. 2.

✉ molokoedovd@bk.ru

[Статья из рубрики "РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2025.4.75975

EDN:

GYDQVF

Дата направления статьи в редакцию:

23-09-2025

Дата публикации:

19-11-2025

Аннотация: Статья «Политика США в Юго-Восточной Азии в контексте "разворота в АТР"» анализирует стратегическую переориентацию Вашингтона на Азиатско-Тихоокеанский регион, направленную на укрепление позиций в условиях растущего влияния Китая. Рассматриваются ключевые аспекты американской политики, включая военно-стратегическое присутствие, экономические инициативы (Индо-Тихоокеанская стратегия и участие в CPTPP), а также дипломатическое взаимодействие с региональными партнёрами, включая страны АСЕАН. Особое внимание уделяется целям США: сдерживание китайских амбиций в Южно-Китайском море и поддержка многостороннего сотрудничества. Автор исследует эволюцию подходов различных администраций (от Б. Обамы до Д. Байдена), подчёркивая изменения в реализации «разворота». Выделяются вызовы, включая балансирование между союзническими

обязательствами, внутренними политическими противоречиями в США и также неоднозначной реакцией стран Юго-Восточной Азии на усиление конкуренции великих держав. Исследование строится на сравнительном анализе подходов трех американских администраций (Обамы, Трампа, Байдена) к реализации стратегии в АТР/ИТР, а также основе официальных документов (Стратегия Национальной безопасности, Национальная стратегия обороны), публичных выступлений президентов и дипломатических инициатив). Институциональный анализ роли и эффективности созданных США многосторонних структур и альянсов, как инструментов сдерживания Китая. Научная новизна исследования заключается в системном и сравнительном анализе эволюции стратегии «разворота к Азии» на протяжении трех администраций США, демонстрирующем не смену парадигм, а тактическую адаптацию единой стратегической цели. Несмотря на тактические и стилистические различия, все три администрации (Обамы, Трампа, Байдена) преследовали единую стратегическую цель – сдерживание растущего влияния Китая и сохранение американского лидерства в АТР/ИТР. Обама сделал ставку на многосторонние экономические (ТТП) и дипломатические инструменты. Трамп перешел к открытой конфронтации, протекционизму и упору на двусторонние силовые и торговые сделки. Байден синтезировал подходы, вернувшись к риторике многосторонности и работе с союзниками, но сохранив и усилив жесткое антикитайское ядро стратегии Трампа, а также институционализировав формат QUAD. Углубляющееся американо-китайское соперничество создает серьезнейшие вызовы для АСЕАН, заставляя ее лавировать и угрожая ее единству и центральной роли в региональной архитектуре.

Ключевые слова:

США, Юго-Восточная Азия, Япония, КНДР, АТР, КНР, АСЕАН, Транстихоокеанское партнерство, Восточно-Китайское море, Северо-Восточная Азия

Введение

С начала XXI века Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) превратился в эпицентр, где пересекаются интересы ведущих мировых держав. Рост влияния Китая, усиление его амбиций в Южно-Китайском море, а также динамичное развитие региональных интеграционных проектов заставили США пересмотреть свои стратегические приоритеты. Ответом Вашингтона стал так называемый «разворот в АТР» (Pivot to Asia), инициированный при администрации Барака Обамы и продолжающий эволюционировать в условиях современных вызовов. Данная статья посвящена анализу политики США в Юго-Восточной Азии в рамках этой масштабной переориентации, направленной на сохранение американского лидерства в условиях трансформирующегося мирового порядка.

Исследование базируется на ключевых положениях неореализма, что проявляется в анализе поведения США через призму структурных изменений в международной системе, балансирования против растущей мощи Китая и стремления к сохранению гегемонии в условиях трансформации мирового порядка. (Kenneth N. Waltz «Theory of International Politics». 1979.).

В контексте статьи это проявляется в анализе поведения США как государства, стремящегося сохранить свое лидерство в условиях изменения баланса сил в регионе, вызванного ростом влияния Китая. Автор последовательно применяет

неореалистический подход, акцентируя внимание на распределении сил в международной системе и стратегическом соперничестве великих держав.

Цели статьи:

Раскрыть специфику американской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, проследить преемственность и трансформацию подходов от Обамы к Д. Байдену, а также оценить эффективность стратегии Вашингтона в контексте региональной и глобальной конкуренции;

Анализ стратегических предпосылок и содержания "разворота в Азию" администрации Обамы - исследование экономических, военно-политических и геостратегических мотивов переориентации внешней политики США на АТР, включая растущее влияние Китая и экономический потенциал региона;

Выявление противоречий и ограничений в реализации американской стратегии - анализ внутренних и внешних вызовов, с которыми столкнулась администрация Обамы при осуществлении перебалансировки, включая отвлечение ресурсов на другие регионы и недостаточную сбалансированность военного и экономического компонентов;

Исследование эволюции подходов США к региону при последующих администрациях - сравнительный анализ преемственности и изменений в политике Трампа и Байдена, выявление элементов континуитета в стратегии сдерживания Китая, несмотря на различия в тактических подходах;

Оценка эффективности альтернативных военно-политических механизмов - анализ создания и функционирования таких форматов как AUKUS, QUAD и "Партнёры в голубом Тихом океане", их влияния на архитектуру региональной безопасности и взаимодействия с существующими институтами;

Исследование воздействия американской стратегии на страны региона - анализ последствий политики США для стран АСЕАН, рисков их превращения в "буферную зону" в условиях американо-китайского соперничества, и дилемм, стоящих перед странами Юго-Восточной Азии;

Выявление фундаментальных противоречий американского подхода - анализ имманентных противоречий между декларируемой поддержкой центральной роли АСЕАН и созданием эксклюзивных альянсов, подрывающих асеановские институты, а также между целями обеспечения "свободного и открытого" региона и методами, ведущими к его фрагментации.

Политика США в АТР при администрации Б. Обамы.

Для Соединенных Штатов Юго-Восточная Азия традиционно сохраняет стратегическую важность в силу нескольких ключевых причин. Во-первых, это связано с влиянием Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая объединяет все десять стран региона. Также, помимо активной роли в международной политике, государства АСЕАН становятся все более значимыми игроками в мировой политике. Юго-Восточная Азия, являясь одним из лидеров глобального роста, в 2020 году заняла пятое место по объему ВВП (3 трлн долл.). Ожидается, что к 2030 году регион имеет все шансы подняться на четвертую позицию в этом рейтинге [\[1, с. 22\]](#). Однако экономический потенциал региона не следует переоценивать. Совокупный ВВП АСЕАН все еще значительно уступает показателям ведущих экономик, а сам блок сталкивается с внутренними вызовами, такими как разный уровень развития стран-участниц,

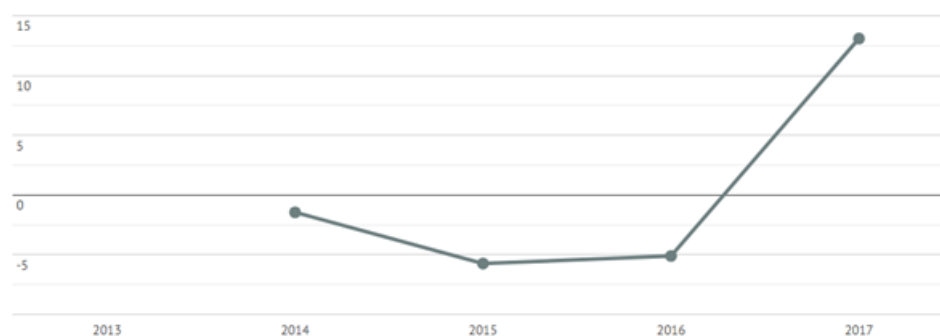
политические разногласия и сохраняющаяся зависимость от китайских инвестиций и цепочек поставок. Это ставит под вопрос способность АСЕАН выступать единым стратегическим партнером и ограничивает ее самостоятельность на мировой арене.

Поскольку США стремятся использовать АСЕАН в своих интересах, а при невозможности этого — блокировать её деятельность, Вашингтон делает ставку на альтернативные военно-политические альянсы. К ним относятся AUKUS (США, Великобритания, Австралия), QUAD (США, Индия, Япония, Австралия) и «Партнёры в голубом Тихом океане» (РВР), призванные сдерживать влияние Китая. Данная стратегия содержит в себе имманентное противоречие. С одной стороны, США официально заявляют о поддержке центральной роли АСЕАН. С другой — создание ими эксклюзивных клубов, таких как AUKUS, которое вызвало озабоченность в ряде стран региона (например, в Индонезии и Малайзии), воспринимается как действия в обход асеановских институтов. Это может вести к маргинализации самой АСЕАН и подрывать заявленные Вашингтоном цели по укреплению региональной архитектуры, основанной на правилах.

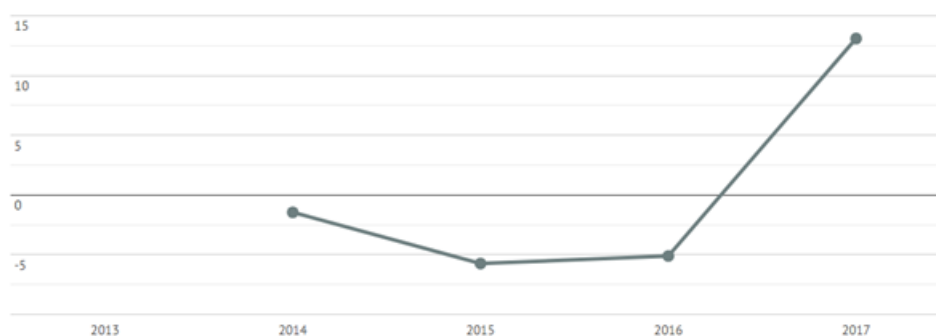
Во-вторых, регион обладает критически важной географией, контролируя ключевые морские пути, такие как Зондский и Малаккский проливы. Установление контроля над этими коммуникациями позволяет США беспрепятственно снабжать своих азиатских союзников ресурсами, прежде всего энергетическими, и при необходимости блокировать их поставки для противников. Историческим прецедентом служит нефтяное эмбарго США против Японии в 1941 году, которое привело к нападению на Пёрл-Харбор. Однако прямое сравнение с ситуацией 1941 года является упрощенным. Современная глобальная экономика глубоко интегрирована, и попытка полной блокады таких игроков, как Китай, чревата катастрофическими последствиями для самих США и их союзников, чьи экономики тесно связаны с китайской. Более того, Китай активно диверсифицирует свои маршруты поставок энергии, развивая сухопутные коридоры и инвестируя в портовую инфраструктуру по всему миру, что постепенно снижает уязвимость Пекина от контроля США над ключевыми проливами.

В-третьих, угрозу безопасности США представляет деятельность радикальных исламистских группировок в странах ЮВА, что также обуславливает стратегический интерес Вашингтона к региону [\[2, с. 115-116.\]](#). Следует отметить, что после поражения «Исламского государства» на Ближнем Востоке угроза транснационального терроризма в ЮВА, хотя и остается актуальной, уже не занимает центральное место в американской региональной повестке. На первый план вышли стратегическое соперничество с Китаем и гибридные угрозы. Акцент на терроризме может служить скорее легитимирующим фактором для сохранения военного и разведывательного присутствия в регионе, чем отражением его приоритетности.

Импорт в АСЕАН из США с 2013 по 2017 гг. (рис.1)

Экспорт из АСЕАН в США с 2013 по 2017 гг. (рис. 2.)

Источник: TrendEconomy. Годовая статистика международной торговли товарами. [Электронный ресурс]/Режим доступа: https://trendeconomy.ru/data/h2?commodity=TOTAL&reporter=ASEAN&trade_flow=Import,Export&partner=UnitedStatesOfAmerica&indicator=TV,YoY&time_period=2013,2014,2015,2016,2017,2022 (обращение 23. 09. 2025)

Говоря про экономические взаимоотношения между США и АСЕАН (рис. 1,2), стоит отметить, что совокупный экспорт из АСЕАН в США составил 143 млрд долларов в 2017 году. В стоимостном выражении увеличение поставок товаров из АСЕАН в США По сравнению 2016 годом составило 8,3%: Экспорт товаров вырос на 10,9 млрд долларов (в 2016 из АСЕАН в США было поставлено товаров на сумму 132 млрд долларов).

В экспорте товаров из АСЕАН в 2017 году доля США составила 14,1% (143 млрд US\$ из 1,01 трлн US\$ - суммарного экспорта товаров из АСЕАН в 2017 году). По сравнению с 2016 годом доля США в экспорте товаров из АСЕАН сократилась на 0,957 п.п. (в 2016 году она была равна 15,1%, а совокупный экспорт товаров из АСЕАН - 875 млрд US\$).

Совокупный импорт в АСЕАН из США составил 91 млрд долларов в 2017 году. В стоимостном выражении увеличение поставок товаров в АСЕАН из США По сравнению 2016 годом составило 13,1%: Импорт товаров вырос на 10,6 млрд долларов (в 2016 в АСЕАН из США было завезено товаров на сумму 81 млрд долларов).

В импорте товаров в АСЕАН в 2017 году доля США составила 9,45% (91 млрд US\$ из 969 млрд US\$ - суммарного импорта товаров в АСЕАН в 2017 году). По сравнению с 2016 годом доля США в импорте товаров в АСЕАН уменьшилась на 0,121 п.п. (в 2016 году она была равна 9,57%, а совокупный импорт товаров в АСЕАН - 846 млрд US\$).

Таким образом, в 2017 году товарооборот между США и АСЕАН активно рос в абсолютных цифрах, однако доля США в общем объеме внешней торговли стран АСЕАН сокращалась. Это говорит о том, что другие торговые партнеры (например, Китай) наращивали свое присутствие в регионе еще более высокими темпами.

Начало XXI века ознаменовалось стремительным экономическим подъемом Китая, который не только изменил баланс сил в Восточной Азии, но и стал оказывать все более заметное влияние на глобальную экономику и политику США. Этот фактор сыграл ключевую роль в пересмотре американских внешнеполитических приоритетов, сместив фокус Вашингтона с Европы и Ближнего Востока на Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Официальное оформление новой стратегии произошло в 2011 году, когда администрация Барака Обамы объявила о так называемом «повороте к Азии» (Pivot to Asia). Несмотря на громкие заявления, «поворот к Азии» столкнулся с серьезными проблемами реализации. Внутренние политические раздоры в США, а также

необходимость продолжать engagement на Ближнем Востоке (в частности, в Сирии и с Ираном) и обострение отношений с Россией после 2014 года постоянно отвлекали административный и военный ресурс, не позволяя в полной мере осуществить перебалансировку. Более того, критика указывала на то, что стратегия была сосредоточена преимущественно на военном аспекте, тогда как экономическая ее составляющая — Транстихоокеанское партнерство (ТТП) — была заброшена администрацией Трампа, что нанесло удар по credibility США как надежного экономического партнера.

Таким образом, «разворот к Азии» стал логическим продолжением эволюции американской внешней политики. Этот стратегический маневр был обусловлен не только экономическими и военными вызовами со стороны Китая, но и стремлением США сохранить лидерство в формировании нового миропорядка, где Индо-Тихоокеанский регион играл все более значимую роль [\[3, с. 102\]](#). Можно также отметить, что американская стратегия в Юго-Восточной Азии носит реактивный и в значительной степени асимметричный характер. Она определяется в первую очередь логикой сдерживания Китая, а не позитивной повесткой развития для самого региона. Это создает для стран АСЕАН риски оказаться в положении «буферной зоны» или поля битвы между великими державами. Многие государства, проводя политику балансирования, стремятся извлечь выгоду из соперничества, но их суверенитет и возможность самостоятельного выбора могут быть серьезно ограничены по мере нарастания американско-китайского противостояния.

Также стоит отметить, что в 2007 году по инициативе японского премьера Синдзо Абэ и при поддержке администрации Обамы возник формат QUAD, в который вошли такие страны как США, Австралия, Япония и Индия. Первоначально данный формат был нацелен на сотрудничество с Китаем, однако из-за не полной реализации плана по "развороту в Азию", а также в связи с введением торговых ограничений против Пекина, QUAD превратился в аморфное образование, которое сравнивают с разведовательным альянсом [\[4, с. 55-56\]](#).

Политика Д.Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Победа Дональда Трампа на выборах 2016 года во многом стала реакцией на провалы внешней политики Барака Обамы. Восьмилетний курс Обамы, который включал акцент на АТР и попытки демократизации Ближнего Востока, обернулся ростом нестабильности и ухудшением отношений с Россией. Кроме того, его экономический либерализм вызвал разочарование среди избирателей. Это позволило Трампу, рассматривавшему международную обстановку как повод для изменений, предложить принципиально иной подход. Критический анализ показывает, что победа Трампа была во многом обусловлена не только внешнеполитическими просчётами, но и глубоким внутренним расколом в американском обществе. Его риторика «Сделать Америку снова великой» (MAGA) мастерски использовала недовольство тех слоёв населения, которые оказались «проигравшими» от глобализации, процветание которой в 1970-2010-х годах затронуло лишь узкие круги в сфере технологий и финансов, углубив социально-экономическое расслоение. Его администрация намеревалась выстраивать внешнюю политику подобно корпорации, поручив формирование стратегии доверенным лицам, которые выступали бы посредниками между президентом и истеблишментом для более эффективной защиты национальных интересов. Однако такой подход, охарактеризованный экспертами как «реслинг без рефери», привёл к непредсказуемости и дестабилизации, поскольку был ориентирован не на выстраивание долгосрочной стратегии, а на сиюминутное силовое

давление и создание медийного шума.

Формирование эффективной стратегии для отстаивания интересов Соединенных Штатов в экономической и политической сферах в конкретном регионе стало важнейшим направлением внешней политики как администрации Барака Обамы, так и сменившего её правительства Дональда Трампа. Основной целью данной стратегии было сдерживание усиления влияния КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе и популяризация американских идеалов в нем.

Соперничество между США и Китаем в АТР стало особенно заметным в период президентства Барака Обамы и реализации соответствующей региональной стратегии. Оба государства последовательно наращивали военный потенциал, что выражалось как в увеличении контингентов, размещённых в данном регионе, так и в организации масштабных учений на этой территории. Ключевым элементом американской региональной политики стало укрепление оборонных и дипломатических связей с такими странами, как Япония, Республика Корея, Филиппины и другими государствами. Две державы активно соперничали за влияние на стратегически важные государства Азии, пытаясь привлечь их на свою сторону. Особое внимание в этот период уделялось нормализации американо-мьянманских отношений — Вашингтон рассматривал Мьянму как важный элемент противодействия реализации геополитических планов КНР в регионе. (Независимая газета. Курс Белого дома на сдерживание Китая не изменится. 2024.[Электронный ресурс]/Режим доступа: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-10-27/3_9123_kb.html (дата обращения: 02.04.2025)).

Стратегия Трампа в АТР, подтвердившая важность региона для США, была пересмотрена в сторону более конфронтационного подхода, известного как «Свободное и открытое Индо-Тихоокеанское пространство». Его ключевым элементом стала открытая конфронтация с Китаем, чья экономическая политика была названа нечестной. На площадке АТЭС Трамп публично возложил на Пекин ответственность за системные нарушения: манипуляции с курсом валюты, игнорирование правил ВТО, кражу технологий, поддержку государственных компаний и искусственное ограничение доступа на свой рынок и особое внимание уделялось практике демпинга — сознательного занижения цен на товары и услуги за рубежом. Параллельно Трамп подчеркивал необходимость укрепления экономического суверенитета США, рассматривая это как приоритет для обеспечения национальных интересов. (Remarks by President Trump at APEC CEO Summit, Da Nang, Vietnam. — 2017. / URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (дата обращения: 23.03.2025)). Китай, в свою очередь, отреагировал на новое американское давление более конструктивным, мирным и бесконфронтационным способом. Пекин стремился избежать прямого столкновения с Вашингтоном в регионе, параллельно проводя активную региональную дипломатию, чтобы смягчить потенциальные риски для национальной безопасности и расширить влияние Китая в Индо-Тихоокеанском регионе и за его пределами [5. с. 139].

С приходом нового президента США внешнеполитический курс в отношении Китая стал более жёстким. В 2018 году администрация Дональда Трампа запустила масштабную торговую войну против КНР, что частично сдерживало экономическое и технологическое развитие страны. Зарождение этих изменений прослеживается ещё в обновлённой Стратегии национальной безопасности, представленной в конце 2017 года. Если при Обаме (согласно документу 2010 года) акцент делался на укрепление доверительных отношений с Китаем, то новая редакция стратегии обозначила КНР и Россию как потенциальные угрозы интересам США. (National Security Strategy of the USA. — 2017. —

P. 2, 25. / URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (дата обращения: 23.03.2025)). Кроме того, как отмечают автор, в данной стратегии Китай был прямо назван ревизионистским государством и стратегическим конкурентом; в документе отмечалось, что Китай хочет заменить США в Индо-Тихоокеанском регионе и формировать региональный порядок в соответствии с собственными интересами. Язык использованный в данной стратегии для описания стратегических амбиций Китая, и последующая Стратегия национальной обороны в 2018 году ознаменовало начало сдвига в политике США в сторону всеобъемлющего сдерживания Китая [6, с. 283].

Эта позиция в дальнейшем только усиливалась. Например, в Национальной стратегии обороны, опубликованной в начале 2018 года, ключевым вызовом для Вашингтона была названа не борьба с терроризмом, а нарастание глобальной стратегической конкуренции. В связи с этим приоритетом Пентагона стало долгосрочное противостояние с Россией и Китаем — именно в такой последовательности, что подчёркивало переориентацию геополитических приоритетов США. (Summary of the 2018 National Defense Strategy of the USA. / URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 23.03.2025)).

Одним из наиболее резких разрывов с политикой предыдущей администрации стало кардинальное изменение экономического курса США в регионе, выраженное в выходе страны из Транстихоокеанского партнерства (ТТП) по решению Дональда Трампа. Этот шаг, предпринятый под лозунгом защиты американских рабочих, с критической точки зрения стал крупнейшей стратегической ошибкой, добровольно устранившей Вашингтон из процесса формирования новой региональной экономической архитектуры. Отказ от ключевого проекта предшествующего президента существенно повлиял на динамику развития региона, создав вакуум влияния. Сложившаяся ситуация, облегчила Китаю продвижение собственных инициатив региональной интеграции, таких как Всестороннее региональное экономическое партнёрство и Зона свободной торговли АТР. Изначально Китай занял негативную позицию, поскольку многие положения ТТП были для него болезненными. Кроме того, Пекин традиционно избегает международных форматов, где он не может блокировать невыгодные себе решения. Однако после выхода США из соглашения, подход Китая пересмотрен [7, с. 57]. Одновременно первоначальная неопределённость среди стран-участниц ТТП после ухода США подтолкнула Японию — главного регионального конкурента КНР — к активизации внешнеполитической стратегии. Токи взял на себя лидерство в переговорах о сохранении партнёрства, инициировав консультации для выработки консолидированной позиции. Результатом стало подписание Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения для ТТП, объединившего 11 экономик под японским руководством. Это наглядно продемонстрировало способность ключевых союзников США действовать самостоятельно в условиях вакуума лидерства, созданного Вашингтоном. Внешнеэкономическая стратегия Вашингтона в Азиатско-Тихоокеанском регионе была сфокусирована на наращивании торгового влияния через призму двусторонних отношений. Ключевым инструментом стали двусторонние соглашения «высокого стандарта», приоритетами которых провозглашались защита американского бизнеса и стимулирование внутренней занятости, а не стратегические интересы. Администрация заявила о курсе на ревизию существующих и формирование новых договорённостей со странами, разделяющими принципы честной торговли. Параллельно велась жёсткая линия по противодействию нарушениям в рамках ВТО, что было направлено в первую очередь на сдерживание

Китая.(Remarks by President Trump at APEC CEO Summit, Da Nang, Vietnam. — 2017. / URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (дата обращения: 23.03.2025))

Северокорейская проблема сыграла ключевую роль в формировании индо-тихоокеанской стратегии администрации Трампа и укреплении сотрудничества между США и Китаем в первый год президентства. Центральной задачей Вашингтона стало вовлечение Пекина в совместные усилия по оказанию давления на КНДР. В 2017 году напряжённость на Корейском полуострове продолжала расти. В августе Дональд Трамп, получив разведданные о разработке КНДР ядерной боеголовки, пригрозил Пхеньяну «огнём и яростью». Ким Чен Ын в ответ пообещал США «море огня». Чтобы найти выход из кризиса, Трамп поручил тогдашнему директору ЦРУ Майку Помпео создать рабочую группу по Северной Корее. Её сотрудники опросили более 200 человек, контактировавших с Ким Чен Ыном, чтобы понять его взгляды и предпочтения. Аналитики пришли к выводу, что он «восхищается западной культурой и осознаёт выгоды экономического развития». В докладе группы также отмечалось, что Пхеньян может позитивно отреагировать на предложения, которые помогут КНДР ослабить зависимость от Китая. На основе этих выводов администрация Трампа изменила стратегию: вместо давления она начала искать пути для прямого диалога с Ким Чен Ыном, исключая посредничество Пекина [8, с. 30].

Необходимо отметить, что политика в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона претерпела позитивную трансформацию и была одобрительно воспринята союзниками в контексте курса президента Джо Байдена на "возвращение Америки". Данный курс был ориентирован на то, чтобы сделать ИТР ключевым регионом во внешней политике, активизировать работу по укреплению и развитию союзнических отношений в этой зоне, а также сделать особый акцент на расширении взаимодействия с Юго-Восточной Азией, которой пренебрегал Дональд Трамп [9, с. 239-245]. При этом Джо Байден сохранил заимствованную у своего предшественника концептуальную рамку "свободного и открытого" региона, дополнив ее такими аспектами как безопасность, процветание и приверженность демократическим ценностям, что отразило его стремление к комплексному и сбалансированному подходу (Parma, S. S. (2022), *The Us Indo-Pacific Strategy 2022: An Analysis*, National Maritime Foundation, March 3. Available at: <https://maritimeindia.org/the-us-indo-pacific-strategy-2022-an-analysis/> (дата обращения: 25.03.2025)). В Индо-Тихоокеанской стратегии 2022 года Китай идентифицирован как единственный стратегический конкурент, способный бросить вызов сложившемуся миропорядку, при этом администрация выразила заинтересованность в сотрудничестве с Пекином в области нетрадиционных вызовов безопасности.

Указанные, стратегические корректировки, как отмечают авторы исследования, демонстрируют, что, сохраняя настороженность в отношении амбиций Китая по наращиванию влияния, президент Джо Байден использовал либеральные ценности и методы управления через многосторонние механизмы под руководством США для содействия сотрудничеству в решении глобальных проблем. Это отражает дуалистический характер его внешней политики в отношении Китая, сочетающий элементы кооперации и соперничества. То, как Джо Байден выстраивал отношения с региональными союзниками и нейтральными странами, регулируя при этом конкуренцию с Китаем, действительно привело к, так называемому, "возвращению Америки". Это произошло после того, как образ США как "первого гражданина" либерального порядка был серьезно ослаблен при Дональде Трампе [10, с. 249].

Возвращаясь к началу 2018 года администрация Трампа, не достигнув прогресса в разрешении северокорейского кризиса методами давления, столкнулась с хорошо спланированной дипломатической кампанией Пхеньяна. Режим Ким Чен Ына смог кардинально изменить расстановку сил, наладив диалог с Республикой Корея, восстановив стратегический альянс с Китаем и вступив в прямые контакты с США. Эти манёвры, включая саммит в Пханмунджоме, визиты в Пекин и уничтожение ядерного испытательного полигона, были направлены на укрепление международных позиций КНДР. В результате Вашингтон, утративший монополию на инициативу и лишившийся единства с ключевыми союзниками, был вынужден отказаться от ультимативной тактики и пойти на уступки в виде согласия на прямые переговоры. Историческая встреча в Сингапуре в 2018 году ознаменовала переход от открытой конфронтации к дипломатическим переговорам между США и КНДР. Однако декларативные заявления о мире и денуклеаризации скрывали непреодолимые противоречия в подходах. Вашингтон придерживался жёсткой последовательности: сначала разоружение, затем послабления. Пхеньян, в свою очередь, настаивал на первоочерёдном предоставлении гарантий безопасности и ослаблении санкционного режима. В результате, хотя администрации Трампа удалось добиться моратория на испытания и консолидировать международные санкции, Северная Корея использовала диалог для укрепления своего международного статуса и легитимизации ядерного арсенала. Ключевым фактором, предотвратившим эскалацию, стало противодействие американского политического истеблишмента военным силам. Таким образом, конфликт завершился патовой ситуацией, где ни одна из сторон не одержала решающей победы и, в конечном итоге, противостояние завершилось формированием неустойчивого статус-кво: КНДР сохранила ядерный потенциал, но столкнулась с экономическими ограничениями, в то время как США не смогли добиться денуклеаризации, но предотвратили эскалацию и укрепили международный санкционный режим. Эта ситуация создала предпосылки для продолжения стратегического торга в новых форматах. ("The Japan Times", February 20, 2020 [Электронный ресурс]/Режим доступа: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/02/18/commentary/japan-commentary/february-can-cruelest-month/> (дата обращения: 23.07.2025))

В Японии также с тревогой и вниманием следили за предвыборными заявлениями Дональда Трампа, которые затрагивали ключевые аспекты двусторонних отношений. Его позиция не просто расходилась с традиционной линией Вашингтона, но и содержала фундаментальный вызов устоям альянса. Критически анализируя его риторику, можно заключить, что она базировалась на транзакционной, а не стратегической логике, рассматривая союзнические отношения как сделку, а не как долгосрочное партнерство, основанное на общих ценностях и интересах.

Его позиция включала несколько спорных моментов:

1. Трамп охарактеризовал военный союз с Японией как «неравноправный», шокировав Токио заявлением о возможном допущении ядерного вооружения Японии и Южной Кореи. Это заявление, помимо своей разрушительности, игнорировало краеугольный камень региональной стабильности — режим нераспространения, и ставило под сомнение надежность американских security guarantees для всех союзников.
2. Резкая критика Транстихоокеанского партнерства (ТТП) противоречила интересам Японии, которая рассматривала это соглашение как инструмент экономической модернизации и противовес китайскому влиянию в регионе. Стратегической ошибкой Трампа стал отказ от многостороннего экономического инструмента сдерживания Китая в пользу разрозненных двусторонних сделок, что в долгосрочной перспективе ослабило

позиции США в формировании региональных торговых правил.

Официально Токио дал сдержанный и аргументированный ответ. Премьер Синдзо Абэ, проигнорировав возражения МИДа, предпринял упреждающий дипломатический шаг, установив контакт с командой Трампа до выборов. Эта тактика «приручения» через личную дипломатию была вынужденной мерой, направленной на смягчение непредсказуемости американского лидера, что свидетельствует о кризисе институциональных, а не личных отношений между странами. Несмотря на налаженный личный контакт, Трамп продолжил оказывать давление на Японию в торговой сфере.

Под угрозой введения дополнительных пошлин Япония пошла на уступки. В 2019 году стороны заключили торговое соглашение, которое Трамп назвал «крупной победой», а Абэ — «взаимовыгодным результатом». Анализ содержания соглашения, однако, показывает его асимметричность: Япония пошла на значительные уступки в сельском хозяйстве, в то время как ее ключевой интерес — отмена американских пошлин на автомобили — был отложен, что говорит о тактической победе администрации Трампа, достигнутой силовым давлением («毎日新聞», 2017年1月25日[Электронный ресурс]/Режим доступа: <https://mainichi.jp/> (дата обращения: 23.07.2025)).

Более важной, однако, оставалась тема военно-политического союза. Позже Трамп публично выразил недовольство условиями союза, заявив, что США обязаны защищать Японию, а обратные обязательства отсутствуют. Данный тезис является фундаментальным заблуждением, поскольку игнорирует стратегическую выгоду США от размещения своих войск в Японии — ключевом плацдарме для проекции силы в Азии, а также вклад Японии в содержание баз, который, по ее данным, составлял 86,4% («The Japan Times», June 30, 2019. [Электронный ресурс]/Режим доступа: <https://www.japantimes.co.jp/tag/cultural-appropriation/> (дата обращения: 23.07.2025)).

Трамп прямо потребовал от Токио «большого финансового участия», заявив, что Япония должна увеличить выплаты на 400%. Это требование, выдвинутое в ультимативной форме, подрывало саму идею партнерства, превращая его в рентоориентированные отношения, где союзник рассматривается не как стратегический актив, а как источник доходов («朝日新聞», 2019年6月29日.[Электронный ресурс]/Режим доступа: https://www.asahi.com/?iref=and_header (дата обращения: 23.07.2025)).

Таким образом, хотя личные отношения Абэ и Трампа и стратегическая ценность союза оставались непоколебимыми, Япония продемонстрировала готовность реалистично оценивать риски и отстаивать свои национальные интересы. Отказ от размещения американских ракет средней дальности и свертывание системы «Иджис» были четкими сигналами Вашингтону о существовании «красных линий», которые Япония не намерена пересекать даже под давлением ключевого союзника.

Несмотря на внешние различия, администрация Трампа продолжила стратегический курс Обамы по сдерживанию Китая, но придала ему новую форму в концепции СОИТР. Центром этой стратегии стало укрепление сотрудничества в рамках «QUAD». Однако критики отмечают ключевое внутреннее противоречие: администрация Трампа пыталась выстроить антикитайскую коалицию, одновременно подрывая доверие к себе протекционистской торговой войной и уничижительными высказываниями в адрес самих партнеров. Это ограничивало эффективность QUAD, оставляя его на уровне консультативного форума.

Среди стран "ромба" наиболее последовательную поддержку оказала Япония. Таким образом, японская дипломатия, что представляет собой редкий случай, не просто

поддержала, а изначально выдвинула стратегическую инициативу, которую впоследствии адаптировали США. Это говорит о возросшей самостоятельности Токио и его способности формировать стратегическую повестку.

Позиция других партнеров была менее однозначной. Индия сохраняла приверженность стратегической автономии, а Австралия отказалась от участия в совместных операциях по свободе судоходства. Это демонстрирует, что несмотря на всю риторику, Вашингтону не удалось создать монолитный антикитайский блок, и партнеры были готовы сотрудничать лишь в той мере, в какой это не противоречило их суверенным интересам [\[11, с. 6\]](#).

Последовательно реализуя политику глобального протекционизма, Трамп символично инициировал выход США из ТТП. Это решение стало, пожалуй, крупнейшим стратегическим подарком Китаю, который получил возможность формировать региональную экономическую архитектуру по своим правилам, что и вылилось в подписание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) под руководством Пекина [\[12, с. 339\]](#).

Поворот США в сторону «экономического национализма» создал стратегическую дилемму для стран АСЕАН. Критический взгляд на этот период позволяет заключить, что демонстративное пренебрежение Вашингтона к многосторонности (АТЭС, АСЕАН) и ставка на силовое двустороннее давление в итоге ослабили совокупное влияние США в регионе, подтолкнув страны ЮВА к вынужденному лавированию и большей открытости к китайским инициативам [\[13, с. 11\]](#).

В заключение, анализ отношений в период администрации Трампа выявляет парадокс: несмотря на публично декларируемую цель «сдерживания Китая», ее методы — подрыв многосторонних альянсов, транзакционный подход к безопасности и торговая война — объективно способствовали усилению региональных позиций Пекина и заставили ключевых союзников, таких как Япония, задуматься о необходимости большей стратегической автономии в условиях растущей непредсказуемости Вашингтона.

Отношения США со странами АТР при администрации Джо Байдена

На протяжении длительного периода архитектура Азиатско-Тихоокеанского региона и сложившаяся там система институтов многостороннего взаимодействия рассматривались в качестве основного «двигателя» регионализма и важнейшего генератора мировых новостей. Однако с углублением американо-китайских противоречий и усилением экономического и военно-политического соперничества ИТР превращается в центральную арену противоборства великих держав в XXI веке [\[14, с. 30.\]](#). Этот переход от экономически ориентированного регионализма к конфронтационной логике великодержавной конкуренции ставит под сомнение саму идею «открытого» и «свободного» региона, подменяя ее идеологическим и военно-политическим противостоянием.

Возникнув как ответная реакция стран на подъем Китая, концепция ИТР прошла путь от абстрактной идеи, предложенной бывшим индийским адмиралом Г. Кхураной, до фундамента региональной стратегии ряда ведущих держав, таких как США, Индия, Австралия и Япония. При этом изначальная индийская трактовка концепции, делающая акцент на многополярности и стратегической автономии, была в значительной степени поглощена и переработана американским видением, ориентированным на создание коалиции для сдерживания Китая.

Для современного дискурса об Индо-Тихоокеанском регионе, в особенности в его американской трактовке, характерна ярко выраженная антикитайская направленность. Критики справедливо указывают, что такая риторика сама по себе становится дестабилизирующим фактором, провоцируя спираль безопасности и оставляя все меньше пространства для дипломатии. При администрации Д. Трампа ухудшение американо-китайских отношений интенсифицировалось и стало принимать более откровенные и системные формы. Кроме того, вопреки ожиданиям многих аналитиков на смягчение курса Вашингтона в отношении Пекина с приходом к власти администрации Дж. Байдена, на практике наблюдается значительная преемственность внешнеполитической стратегии США по сдерживанию Китая, которую можно определить как «всеобъемлющее сдерживание КНР». Однако ключевое отличие подходов двух администраций заключается в стиле: Байден делает ставку на восстановление и укрепление альянсов, что делает антикитайскую коалицию более прочной и институализированной, а значит, и более долговечной.

12 марта 2021 года в рамках концепции Индо-Тихоокеанского региона состоялось знаковое событие – первая встреча на высшем уровне лидеров стран «Четырехстороннего диалога по безопасности» (QUAD): США, Японии, Индии и Австралии. В ходе саммита участники неоднократно поднимали вопросы безопасности в ИТР и роль Китая, продемонстрировав однозначную готовность действовать согласованно для сдерживания китайских амбиций. Однако внутренняя уязвимость QUAD очевидна: позиция Индии, традиционно выступающей за стратегическую автономию, не является абсолютно предсказуемой. Нью-Дели сохраняет тесные экономические и военные связи с Москвой и участвует в альтернативных форматах, таких как БРИКС, что не позволяет говорить о полной синхронизации его курса с политикой Вашингтона.

Ещё более показательными стали комментарии премьер-министра Индии Н. Модии, размещённые в Twitter. Индийский лидер назвал США, Индию, Японию и Австралию «силами глобального добра» за их вклад в укрепление безопасности, противодействие пандемии COVID-19 и борьбу с изменением климата. Подобная риторика, однако, подвергается критике за ее мессианский и манихейский характер, который делит мир на «силы добра» и «силы зла», упрощая сложную геополитическую реальность и затрудняя поиск компромиссов.

Другим примечательным событием, отражающим текущую ситуацию в сфере региональной безопасности, стала встреча американо-японского консультативного комитета по безопасности в формате «2+2» 16 марта 2021 года. Вместе с тем, подобные формулировки носят в значительной степени рутинный и ритуальный характер. Гораздо более показательными являются иные положения, в которых антикитайская направленность прослеживается в завуалированной или прямой форме. Прямая критика внутренней политики КНР, такая как упоминание ситуации в Синьцзяне и Гонконге, представляет собой качественно новый и опасный шаг, стирающий грань между внешнеполитическими разногласиями и вмешательством во внутренние дела суверенного государства. Это создает крайне негативный прецедент и еще больше сужает возможности для диалога [\[15, с. 21\]](#).

Таким образом, на основе итогов встречи и принятого совместного заявления можно сделать ряд выводов. Главный парадокс заключается в том, что провозглашаемая цель – обеспечение «свободного и открытого» региона – достигается методами, ведущими к его фрагментации и разделению на враждующие блоки. Ключевым компонентом альянса выступает всестороннее сдерживание Китая, реализуемое на практике через широкий

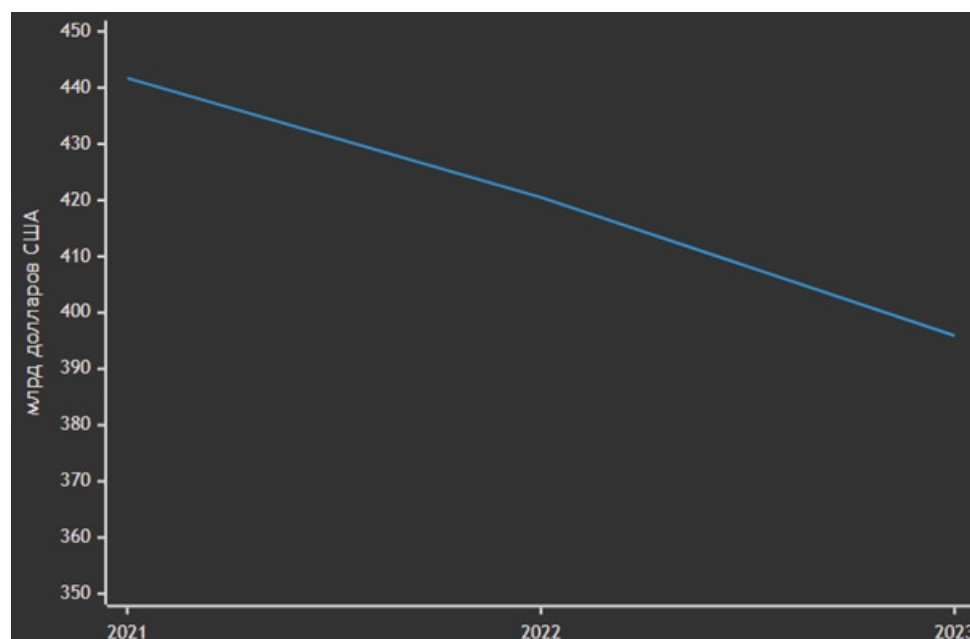
спектр инструментов. Однако эффективность этой стратегии далеко не очевидна. Военно-политическое давление без предложения столь же масштабных экономических альтернатив может оказаться недостаточным для перелома сложившейся в регионе экономической динамики, где Китай является ключевым торговым партнером для большинства стран.

Помимо этого, в соответствии с принятым в 2018 году законом «Инициатива по подтверждению обязательств США в Азии» (ARIA), Соединенные Штаты до 2023 года планируют ежегодно направлять 1,5 млрд долларов на укрепление партнерских связей с союзниками. Эти суммы, однако, выглядят крайне скромно на фоне многомиллиардных инвестиций Китая в рамках Инициативы «Пояс и путь», что ставит под вопрос способность США предложить реальную экономическую альтернативу.

Развитие Индо-Тихоокеанской стратегии в ее американоцентричной трактовке создает для АСЕАН серьезные проблемы. Ассоциация болезненно реагировала на попытки администрации Д. Трампа преобразовать «Четырехсторонний диалог» в подобие «НАТО для Индо-Тихоокеанского региона». Ключевая дилемма для АСЕАН заключается в том, что ее модель консенсуса и «мягкой» силы оказывается неэффективной в условиях нарастающей биполярной конкуренции. Страны Ассоциации оказываются перед мучительным выбором: сохранять нейтралитет, рискуя быть отодвинутыми на периферию принимаемых решений, или выбирать сторону, жертвуя собственной сплоченностью.

Необходимо отметить, что АСЕАН и США в период президентства Д. Байдена имели следующие показатели по товарообороту (рис. 3)

Товарооборот между США и АСЕАН с 2021 по 2023 гг. (рис.3).

На основе анализа данных и контекста можно сделать следующие выводы:

США стабильно являются вторым по величине торговым партнером АСЕАН после Китая. В 2023 году на США пришлось 11.2% от общего объема торговли товарами АСЕАН.

Товарооборот между США и АСЕАН имеет ярко выраженную товарную структуру. Основными статьями экспорта из АСЕАН в США являются электрические машины и оборудование (73 млрд долл. в 2021 году), ядерные реакторы и котлы, а также одежда и мебель.

Помимо торговли, США являются крупнейшим источником прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для АСЕАН. В 2023 году объем ПИИ из США в регион составил 74.4 миллиарда долларов, что равно 32.4% от общего объема иностранных инвестиций в АСЕАН

На этом фоне значимы результаты социологических исследований, проведенных в феврале 2021 года авторитетным сингапурским центром ISEAS. Данные опроса наглядно демонстрируют глубокий раскол внутри АСЕАН: в то время как Вьетнам видит в ИТР стабилизирующий фактор, другие страны, такие как Камбоджа или Лаос, находящиеся в сфере сильного китайского влияния, воспринимают его как угрозу. Это делает единую позицию блока практически невозможной [\[16, с. 31\]](#).

В итоге, данное исследование выявляет элементы преемственности и изменения в индо-тихоокеанской стратегии администрации Джо Байдена. Однако общий итог представляется тревожным: несмотря на тактическую перестройку, стратегия США ведет к консолидации конфронтационной модели региона, где доминирует логика «холодной войны». Институты многостороннего взаимодействия, такие как АСЕАН, оказываются ослабленными, а риски эскалации растут. Перспектива региона как «двигателя» глобального роста оказывается под вопросом, уступая место образу арены для силового противостояния, где дипломатия отходит на второй план.

Заключение

Проведенный анализ эволюции стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, от «разворота» Обамы до политики «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства» при Трампе и Байдене, позволяет сделать ряд ключевых выводов. Несмотря на тактические различия в подходах разных администраций, их объединяет стремление к сдерживанию растущего влияния Китая и сохранению американского лидерства в условиях трансформации мирового порядка.

Однако данное исследование выявляет фундаментальные противоречия и системные изъяны американской стратегии. С одной стороны, Вашингтон провозглашает поддержку многосторонности и центральной роли АСЕАН, а с другой — своими действиями активно способствует фрагментации региона. Создание эксклюзивных альянсов, таких как AUKUS и QUAD, воспринимается как действия в обход асеановских институтов, что ведет к маргинализации самой Ассоциации и подрывает заявленные цели по укреплению региональной архитектуры.

Более того, стратегия США носит в значительной степени реактивный и асимметричный характер, определяясь в первую очередь логикой противодействия Китаю, а не позитивной повесткой развития для самого региона. Это ставит страны Юго-Восточной Азии перед сложным выбором, рискуя превратить их в «буферную зону» или поле битвы великих держав. Экономический вакуум, образовавшийся после выхода США из Транстихоокеанского партнерства, который так и не был заполнен сопоставимыми по масштабу инициативами при Байдене, лишь усилил экономическое тяготение региона к Пекину.

Таким образом, несмотря на смену риторики и тактики — от транзакционного одностороннего подхода Трампа к курсу на восстановление альянсов при Байдене — конечная цель американской политики остается прежней. Парадоксальным образом, стремление Вашингтона к сдерживанию Китая зачастую приводит к результатам, противоположным декларируемым: оно провоцирует спираль безопасности, ослабляет

региональные институты и подталкивает страны к вынужденному лавированию. Перспектива «свободного и открытого» Индо-Тихоокеанского региона все более подменяется его перерождением в арену затяжной и рискованной биполярной конфронтации, где возможности для конструктивной дипломатии и подлинного многостороннего сотрудничества неуклонно сужаются.

Библиография

1. Бутко А.А. Вызовы и возможности развития АСЕАН в контексте американо-китайского противостояния // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 3. С. 21-30. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-3-21-30. EDN: DGHKGN.
2. Клименко А.Ф. Юго-Восточная Азия в контексте соперничества США и КНР // Журнал международных исследований. 2023. № 8. С. 112-124.
3. Покудов З.В., Климонов И.К. "Поворот к Азии" Барака Обамы и проблема укрепления трансатлантических отношений / Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 100-103. DOI: 10.30853/manuscript.2020.5.18. EDN: QLONMU.
4. Мишин В.Ю., Горячева Е.А., Горячев Н.Н., Разумов Е.А., Симоненок А.В. Состояние и перспективы коалиционных форматов в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XXI веке: их геостратегические цели, задачи и устремления // Международное сотрудничество Евразийских государств: политика, экономика, право. 2023. № 2. С. 53-62. EDN: ZVFRFQ.
5. Hu, Weixing. The United States, China, and the Indo-Pacific Strategy: The Rise and Return of Strategic Competition // China Review. 2020. Vol. 20, No. 3. P. 127-142.
6. Liu, Ruonan. Reinforcing Wedging: Assessing China's Southeast Asia Policy in the Context of Indo-Pacific Strategy // China Review. 2023. Vol. 23, No. 1. P. 277-306.
7. Новая реальность Индо-тихоокеанского пространства / отв. ред. А.В. Ломанов, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2023.
8. Панов А.Н. Итоги Индо-тихоокеанской политики президента Д. Трампа. 2017–2020 гг. (окончание) // США & Канада: экономика – политика – культура. 2020. Выпуск № 12. С. 26-44.
9. Tien, L.C. and Trang, T. H. US foreign policy under President Joe Biden. Hanoi: Truth National Political Publishing House, 2023.
10. Hiep T., Hoan T., Kiet H. Free and Open Indo-Pacific Strategy: Competitive Opinions and Trends // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. 2024. Vol. 17, No. 3.
11. Suzuki, Hiroyuki. Japan's Leadership Role in a Multipolar Indo-Pacific. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2020.
12. Рогожина Н.Г. Региональная безопасность в Юго-Восточной Азии в контексте американского проекта "Индо-Тихоокеанский регион" // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12, № 4. С. 338-353. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-338-353. EDN: LJNEYE.
13. I Gede Wahyu Wicaksana, Moch Faisal Karim. How regional organisation survives: ASEAN, hedging and international society // Contemporary Politics. 2023.
14. Gong X. Non-traditional security cooperation between China and South-East Asia: implications for Indo-Pacific geopolitics // International Affairs. 2020. Vol. 96, № 1. P. 29-48.
15. Королев А.А. Индо-Тихоокеанское измерение политики США при Д. Байдене: выводы для АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. II, № 2 (51). С. 20-29.
16. He K., Li M. Understanding the dynamics of the Indo-Pacific: US-China strategic

competition, regional actors, and beyond // International Affairs. 2020. Vol. 96, № 1. P. 1-7.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рамках рецензируемой рукописи является политика США в отношении Юго-Восточной Азии в период двух администраций Б. Обамы (2009-2013 гг. и 2013-2017 гг.) и первого президентства Д. Трампа (2017-2021). В связи с этим, первый вызывающий сомнения момент связан с выбранными хронологическими рамками. Остается неясным – почему автор игнорирует президентство Дж. Байдена (2021-2025 гг.), хотя именно в этот период стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе (включая ЮВА) довольно активно развивалась. Показательно, что автор упоминает AUKUS в качестве одного из ключевых инструментов влияния США в регионе, хотя этот формат был создан именно при президентстве Дж. Байдена (в сентябре 2021 года). Из-за того, что в тексте проигнорирован столь важный период в эволюции американской стратегии в регионе статья фактически утрачивает свою актуальность. Большие вопросы возникают и в отношении содержания. Так, почти весь текст посвящен таким аспектам американской политики в АТР как отношения США и Китая, проблема ядерной программы Северной Кореи и американо-японский союз. Однако, ни Китай, ни Япония, ни Северная Корея НЕ ОТНОСЯТСЯ К РЕГИОНУ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. Все эти страны расположены в СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, и автору следовало бы это уточнить перед тем, как приступать к исследованию. Что касается собственно стран Юго-Восточной Азии, то они лишь вскользь упоминаются в начале и в конце статьи. Политика США в отношении этих стран в тексте не исследуется, хотя некоторые из них (Таиланд и Филиппины) являются военными союзниками Вашингтона, и автор вполне мог бы уделить внимание изучению современного состояния этих отношений. Взаимодействие США и АСЕАН как главной региональной организации также не рассмотрено, хотя с 2015 года действует «Стратегическое партнерство США-АСЕАН» и проходят ежегодные саммиты США-АСЕАН. Приходится признать, что содержание статьи слабо коррелирует с ее названием – вместо изучения отношений Соединенных Штатов со странами ЮВА, автор обращается к анализу азиатско-тихоокеанской стратегии США в целом, что является темой для отдельного (намного более объемного) исследования. Еще одним существенным недостатком рукописи является ее описательный характер. Автор дает обзор основных событий и приводит уже известные статистические данные, не обозначая свой вклад в уже существующие знания. Как следствие, элементы научной новизны в статье не просматриваются. То же самое можно сказать и о методологии – автор не предлагает никакого способа или подхода к достижению поставленной цели, не опирается ни на одну из существующих теорий международных отношений. Библиографический список выглядит очень скромно – всего 8 наименований, хотя по данной теме опубликовано множество работ, как в России, так и зарубежом. Вот лишь некоторые, заслуживающие внимания – 1) Новая реальность Индо-тихоокеанского пространства / отв. ред. А.В. Ломанов, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2023; 2) Мартынова Е.С. Альянсы QUAD и AUKUS и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы для России, Китая и АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 3; 3) Национальные и международные стратегии на Индо-Тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз. Под

ред. В.В. Михеева и В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2020; 4) Песцов С.К. Концепции Свободного и открытого Индо-тихоокеанского региона: общее в многообразии интерпретаций // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 24. № 4; 5) Старкин С.В., Рыжов И.В. Стратегический «разворот» США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 10; 6) Торкунов А.В. Стратегия администрации Д. Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 6; 7) Федоровский А.Н. Индо-Тихоокеанский регион между вызовами конфронтации и возможностями взаимодействия // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 10; 8) Hiep T., Hoan T., Kiet H. Free and Open Indo-Pacific Strategy: Competitive Opinions and Trends // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. 2024. Vol. 17, no. 3; 9) I Gede Wahyu W., Moch Faisal K. How regional organization survives: ASEAN, hedging and international society // Contemporary Politics. 2023. Vol. 29, no. 5; 10) Kai H., Huiyun F. The institutionalization of the Indo-Pacific: problems and prospects // International Affairs, 2020. Vol. 96, no. 1. В заключительной части автор не приходит к каким-либо новым исследовательским результатам, ограничиваясь общими фразами о вызовах, стоящих перед странами ЮВА. Поэтому в представленном виде статья вряд ли может представлять интерес для аудитории журнала.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена анализу политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), с акцентом на "разворот в Азию" (Pivot to Asia), инициированный администрацией Барака Обамы и продолженный при Дональде Трампе. Авторы рассматривают эволюцию стратегии Вашингтона, направленной на сдерживание Китая, укрепление альянсов и экономическую интеграцию, уделяя внимание Юго-Восточной Азии как ключевому театру действий. Однако предмет исследования оказывается несколько размытым: статья смешивает Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию в заголовке, но фокус преимущественно на второй, с беглыми упоминаниями Японии и Кореи, что создает дисбаланс и не позволяет глубоко проанализировать геополитические различия регионов.

Методология исследования основана на политическом реализме, где государства рассматриваются как рациональные акторы в анархичной системе. Автор материала опирается на анализ официальных документов США, речей политиков и вторичных источников, но методология слаба в эмпирической части: отсутствуют количественные данные (например, статистика торговли или военных расходов), а качественный анализ ограничивается описанием событий без применения сравнительных кейс-стади или моделирования сценариев. Это делает исследование поверхностным, без интеграции альтернативных парадигм, таких как конструктивизм или либеральный институционализм, которые могли бы объяснить роль идентичности или международных организаций.

Актуальность темы несомненна, учитывая продолжающееся соперничество США и Китая в АТР, влияние на глобальные цепочки поставок и безопасность. Статья затрагивает *timely* вопросы, такие как роль АСЕАН в лавировании между державами и последствия выхода США из ТТП, что актуально в контексте текущих кризисов (например, Тайваньский пролив). Однако актуальность снижается из-за игнорирования недавних событий, таких как политика Джо Байдена или влияние пандемии COVID-19 на региональную экономику, что делает анализ устаревшим.

Научная новизна представленной рукописи представляется малозначимой. Статья в основном пересказывает известные факты о политике Обамы и Трампа, в ней отсутствуют оригинальные интерпретации или эмпирический вклад. Автор не предлагает также новые теоретические рамки, либо данные, а лишь подтверждает устоявшиеся нарративы о сдерживании Китая, что не добавляет ценности к существующей литературе.

Стиль изложения сухой и описательный, с длинными цитатами и перечислениями, что затрудняет чтение. Структура статьи хаотична: введение и заключение непропорциональны основному тексту, а разделы о Трампе и Японии перегружены деталями, но без критического анализа. Содержание страдает от предвзятости — авторы явно симпатизируют США, игнорируя негативные последствия политики, такие как эскалация напряженности или ущерб для союзников (например, давление на Японию в торговле). Пропущены аспекты, как влияние на развивающиеся страны АСЕАН или экологические последствия инфраструктурных проектов.

Библиография включает 13 источников, преимущественно русскоязычные и англоязычные, но она устаревшая (до 2024 года) и неполная: отсутствуют ключевые работы по АТР, такие как труды Джона Миршаймера или отчеты RAND Corporation. Многие ссылки — газетные статьи, что снижает академическую ценность. Рекомендуется значительным образом расширить список литературы, добавив современные публикации.

Апелляция к оппонентам слаба: автор не дискутирует с критиками американской политики, такими как сторонники многополярного мира или китайские аналитики, что могло бы усилить аргументацию. Вместо этого статья представляет политику США как неизбежную, без учета альтернативных взглядов на сотрудничество с Китаем.

В выводах статья признает дуализм политики США, но не предлагает конкретных рекомендаций по достижению возможного геополитического баланса. Интерес для читательской аудитории ограничен: статья может привлечь студентов и специалистов по международным отношениям, но не предлагает глубокого инсайта для экспертов. В целом, работа нуждается в доработке для публикации — требуется больше эмпирики, баланса и новизны.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная статья посвящена анализу эволюции политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, начиная с «разворота к Азии» администрации Обамы и заканчивая подходом администрации Байдена. Несмотря на заявленную в заголовке узкую направленность на Юго-Восточную Азию, работа охватывает более широкий географический и тематический контекст, включая Северо-Восточную Азию и стратегию в масштабах всего Индо-Тихоокеанского региона, что несколько размывает фокус исследования. Методологическая основа статьи заявлена как неореализм, и автор последовательно применяет этот подход, анализируя поведение США через призму структурных изменений в международной системе и балансирования против растущей мощи Китая. Однако эмпирическая база исследования вызывает вопросы, поскольку статья оперирует данными, актуальными на период до 2023 года, и не содержит современного обзора за предыдущий, 2024 год. В условиях быстро меняющейся геополитической динамики Индо-Тихоокеанского региона такое отставание в данных существенно снижает актуальность и аналитическую ценность работы и не позволяет в полной мере оценить последние шаги администрации Байдена и ответные действия Китая и его партнеров. Также из материала статьи не формируется понимание текущего "баланса сил" в Юго-Восточной Азии и регионе АТР.

Что касается научной новизны, то статья предлагает систематизацию известных фактов и подходов, но не демонстрирует значительного оригинального вклада. Основные тезисы о противоречивости американской стратегии, ее реактивном характере и рисках для стран АСЕАН уже хорошо проработаны в научной литературе. Особого внимания заслуживает язык и стиль публикации. В целом, текст написан грамотным научным языком, однако ему свойственна некоторая тяжеловесность и сложность синтаксических конструкций. Предложения часто перегружены придаточными и вводными оборотами, что затрудняет восприятие и снижает динамику изложения. Например, абзацы, посвященные анализу торговой статистики, излишне детализированы и носят описательный характер, в то время как их можно было бы представить в более сжатой и аналитической форме. Структура статьи в целом логична, но разделы отличаются дисбалансом по объему: так, анализ политики Трампа чрезмерно подробен и содержит избыточные детали, в то время как раздел о Байдене выглядит более сжатым, несмотря на его стратегическую важность для заявленной темы.

Список литературы включает релевантные источники, в том числе современные российские и зарубежные публикации, однако отсутствие работ, датированных 2024 годом, подтверждает вывод об устаревании аналитической базы. Автор в целом корректно апеллирует к существующим исследованиям, но критический диалог с оппонентами, в частности со сторонниками альтернативных объяснений или более оптимистичных оценок перспектив американской стратегии, мог бы усилить аргументацию. Выводы статьи логичны и отражают основные противоречия в подходе США, однако они носят общий характер и не подкреплены свежими данными или прогностической оценкой на основе событий 2024-2025 годов. Учитывая значимость исследуемой тематики, работа может представлять определенный интерес для читательской аудитории журнала "Международные отношения", однако в своем текущем виде она не в полной мере соответствует требованиям по научной актуальности и новизне. Для повышения качества работы автору рекомендуется актуализировать данные, включив анализ событий и тенденций как минимум за 2024 год, переработать

стилистику в сторону большей ясности и лаконичности, а также заострить фокус на Юго-Восточной Азии, как это изначально заявлено в теме исследования.